

6 июня
Павла Борисовича
РЯБИКИНА — народного
депутата Украины.

7 июня
Петра Юрьевича БУРЯКА —
ректора Львовской государственной
финансовой академии.

8 июня
Герберта Леоновича КАМАЛОВА
— академика НАНУ, заведомом
Физико-химического института
им. А. Ботатского НАНУ.

10 июня
Николая Николаевича
КАРЛИЧУКА —
городского голову
Сторожинца.

Ивана Федоровича
ПРОКОПЕНКО — академика
НАПНУ, ректора Харьковского
национального педагогического
университета им. Г. Сковороды.

12 июня
Надежду Максимовну ГУЛУ —
членора НАНУ и АМНУ,
заведомом Института
биохимии НАНУ.

Золото «подсознания»

Пожалуйста, см. начало на стр. 61
Впрочем, пристрастия двух пианистов все же различны. В финале конкурса Антоний играл фортепианные концерты Шумана (ми-бемоль мажор), Моцарта (№20 ре-минор), Прокофьева (№2 соль минор). Мария остановила свой выбор сузубо на венских классиках: фортепианный квартет и Концерт №21 Моцарта, а также бетховенский Концерт №4 соль мажор.

Напомню, что по правилам конкурса — а в этом году он празднует свое 40-летие (к юбилею даже существенно возросли премиальные) — финалисты готовят сочинения

11 определенных авторов, среди которых Шуман, Чайковский, Бетховен, Лист, Брамс, Рахманинов, Григ, Барток, Прокофьев, Моцарт. По традиции организаторы специально заказывают каждый раз новое, ранее не звучавшее произведение местного автора (естественно, с европейской известностью). В этот раз из опусов ныне творящих мэтров выбрали «Размышления о любви» — пьесу-рефлексию Эллы Милх-Шериф — и виртуозное романтическое творение Беньямина Юсупова «Лабиринты подсознания».

Надо сказать, что в конкурсе им. Рубинштейна приняли участие 38 пианистов в

возрасте от 18 до 32 лет. Большая делегация (9 пианистов) представляла РФ. От Украины в Израиль, помимо Барышевского, приехал Роман Логатинский. Это еще один даровитый наш музыкант, студент Музыкальной академии высшего исполнительского мастерства в итальянской Имоле (класс Бориса Петрушанского), и Национальной музыкальной академии Украины им. Чайковского (класс доцента Сергея Рябова), стипендиат Президентского фонда Леонида Кучмы «Украина». К сожалению, Роману не удалось попасть во второй тур.

В итоге вторую премию и серебряную ме-

даль увез Стивен Линь (США), третье место и «бронзу» заслужил Сенг Чжин Чо (Южная Корея). Мария Мазо хотя и не стала фаворитом жюри (вопреки ожиданиям) получила титул «любимица публики».

После запланированных концертов и выступлений с оркестром по городам Израйля, анонсированных на июнь, Антоний Барышевский даст сольный концерт на фестивале в Лугано (Швейцария). Киевляне же и гости столицы смогут послушать пианиста 21 августа в Колонном зале Национальной филармонии. Он сыграет Тройной концерт Максима Шальгины, молодого украинского композитора, ныне проживающего в Нидерландах. К слову, Барышевский — из числа тех солистов, кто популяризирует камерную и симфоническую музыку бывшего соотечественника.

Антонина ТРОФИМОВА

СПРАВКА «2000»
Международный конкурс пианистов — исполнительный академической музыки им. Артура Рубинштейна проходит в Израйле каждые три года начиная с 1974-го. Выдающийся мастер звука и исполнительской техники польский пианист Артур Рубинштейн был главой жюри на первых состязаниях. В этом году число членов жюри увеличилось с 11 до 14. До победы Антония Барышевского украинцам дважды удавалось победить на конкурсе. В 1998-м лауреатом стал Игорь Четувей, в 2005-м — Александр Гаврилюк.

Виталий КОВАЛИНСКИЙ
Генерал от артиллерии А. В. Аносов прослужил в армии 63 года, из них в Киеве — только 9 лет. Но киевляне высоко оценили его заслуги перед городом, назвав Аносовскими улицу и сад на Печерске.

Генерал А. В. Аносов (1822—1906)

Колокольня и Военно-Николаевский собор. Конец XIX ст.

4 июля 1894 г. газета «Киевлянин» писала: «Есть на Печерске один прелестный уголок, про который большинство киевлян, наверное, ничего не слышали. Уголок этот — сад, разбитый недавно по инициативе коменданта Киевской крепости генерал-лейтенанта А. В. Аносова на крепостной земле по Никольской (И. Мазепы. — В. К.) улице, против Киево-Печерской мужской гимназии (Национальный транспортный университет. — В. К.). Место, занимаемое садом, выбрано чрезвычайно удачно.

Он занимает довольно обширное пространство, границами которого с одной стороны служит Никольская улица, с другой — крутой обрыв, идущий до террасы, на которой расположен небольшой лагерь местной команды и которая кончается также обрывом, спускающимся до самого Днепра. Там и сям виднеется черниговское шоссе, змеей извивающееся по этой террасе и ее отлогостям и оканчивающееся Николаевским ценным мостом. Весь ценный мост виден со стороны сада, как на ладони. Как на ладони, видны и Никольская слободка, и деревянный мост через Старик, и шоссе на противоположном черниговском берегу. По бокам шоссе тянется большой хвойный лес, который на таком большом расстоянии кажется совсем черным.

Сад засажен деревьями разных пород, которые хотя и не развильсь еще вполне, но представляют уже достаточно густую зелень, чтобы можно было укрыться в ее тени. Между деревьями тщательно разбиты дорожки, построены деревянные мостики, скамейки, красивые беседки. На краю обрыва находится веранда, в которой имеется буфет, где можно получить всегда чай, минеральные воды, сладости и прочее. Перед верандой небольшой фонтан с деревянным бассейном. Все это делает сад вполне удобным для гуляний публики.

Но главную прелесть сада составляют детские игры и гимнастика, устроенные на одной широкой площадке. Здесь вы найдете детскую гимнастику с шестами, канатами, матцами, лестницами, бревнами и прочим, горки для катания в тележке и для набегания, трамплин для прыжков, качели, гимнастические шаги, кегли и прочее. При играх имеются сторожа, которые обязаны смотреть за порядком и устранять недоразумения, часто возникающие между многочисленными маленькими посетителями сада. Смело можно сказать, что детские игры, устроенные в Аносовском саду, несравненно обширнее игр на горке св. Владимира.

Этот сад, возникший исключительно по инициативе генерал-лейтенанта А. В. Аносова и, благодаря его трудам, принявший теперешний вид, обогатился очень недорого. Главными жертвователями были город, пожертвовавший 500 руб., Л. И. Бродский — 500 руб., граф Ржевский — 300 руб. и войска киевского гарнизона, которые хотя и жертвовали, — тот скамеечку, а тот — мостик, но из этих крох образовалось нечто и очень крупное, давшее возможность осуществить чрезвычайно симпатичную мысль генерал-лейтенанта А. В. Аносова.

Сад еще не носит никакого официального названия. Печерские обитатели, чрезвычайно охотно посещающие этот живописный уголок, называют его не иначе, как «Аносовским садом». Отчего бы не оставить за ним этого названия? Оно сохранило бы в памяти киевлян имя человека, благодаря стараниям которого возникло это в высшей степени симпатичное учреждение».

Командант Киевской крепости Алексей Васильевич Аносов был одним из видных участников русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Родился он 8 марта 1822 г., в 1838-м поступил в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. По окончании через 4 года был произведен в прапорщики и принят на офицерские курсы. В 1844-м начал строевую службу в легкой батарее 18-й артиллерийской бригады, в январе 1848 г. произведен в подпоручики и через полгода — в поручики.

Сад генерала Аносова

Военно-Николаевский собор. 1912

Памятник Вечной Славы и «Свеча памяти». Май 2014

В 1868 г., уже в звании полковника, полученном 5 лет ранее, был назначен командиром 9-й артиллерийской бригады и в мае 1875-го стал генерал-майором.

С 9-й бригадой Аносов принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., особо отличившись при героической обороне Шипки. Затем он участвовал в переходе через Балканы в бою у Казанька и в походе к Адрианополу, а в 1879 г. был назначен начальником артиллерии Харьковского военного округа. Через 5 лет А. В. Аносов получил звание генерал-лейтенанта и в 1890 г. определен комендантом Киевской крепости.

Многие добрые дела, совершенные Алексеем Васильевичем за проведенные в Киеве годы, принесли ему глубокое уважение киевлян. Писатель Александр Куприн, хорошо знавший генерала, писал о нем в рассказе «Гранатовый браслет»:

«Аносов, начиная с польской войны, участвовал во всех кампаниях, кроме японской. Он и на эту войну пошел без колебаний, но его не позвали, а у него всегда было великое по скромности правило: «Не лезь на смерть, пока тебя не позвуют». Во время польского мятежа он отказался однажды расстреливать пленного, несмотря на личное приказание полкового командира. «Шлиона я не только расстреляю, — сказал он, — но, если прикажете, лично убью. А это пленные, и я не могу». И сказал он это так просто, почитительно, без тени вызова или рисовки, глядя прямо в глаза начальнику своими ясными, твердыми глазами, что его, вместо того чтобы самого расстрелять, оставили в покое.

В войну 1877—78 гг. он очень быстро дослужился до чина полковника, несмотря на то, что был малообразован или, как он сам выражался, окончил только «медвежью академию». Он участвовал при переправе через Дунай, переходил Балканы, отсиживался на Шипке, был при последней атаке Плевны; ранили его один раз тяжело, четыре — легко, и, кроме того, он получил осколком гранаты жестокую контузию в голову. Рядешский и Скобелев знали его лично и относились к нему с исключительным уважением. Именно про него и сказал как-то Скобелев: «Я знаю одного офицера, который гораздо храбрее меня, — это майор Аносов».

С войны он вернулся почти оглохший от осколка гранаты, с большой ногой, на которой были ампутированы три отомороженных, во время балканского перехода, пальца, с жесточайшим ревматизмом, нажитым на Шипке. Его хотели было по истечении двух лет мирной службы увечь в отставку, но Аносов заупрямился. Тут ему очень кстати помог своим влиянием начальник края, живой свидетель его хладнокровного мужества при переправе через Дунай. В Петербурге решили не огорчать заслуженного полковника, и ему дали пожизненное место коменданта в г. К. — должность более почетную, чем нужную в целях государственной обороны.

В городе его все знали от мала до велика и добродушно посмеивались над его слабостями, привычками и манерой одеваться. Он всегда ходил без оружия, в старомодном сюртуке, в фуражке с большими полями и с громадным прямым козырьком, с палкою в правой руке, со слуховым рожком в левой и непременно в сопровождении двух оживших, ленивых, хриплых мопсов, у которых всегда кончик языка был высунут наружу и прикушен. Если ему во время обычной утренней прогулки приходилось встречаться со знакомыми, то прохождение за несколько кварталов слышали, как кричит комендант и как дружно вслед за ним лают его мопсы.

Как многие глухие, он был страстным любителем оперы, и иногда, во время какого-нибудь томного дуэта, вдруг на весь театр раздавался его решительный бас: «А ведь чисто взял до, черт возьми! Точно орех разгрыз». По театру проносился сдержанный смех, но генерал даже и не подозревал этого: по своей наивности он думал, что шепотом общается со своим соседом свежим впечатлением.

По обязанности коменданта он довольно часто посещал главную гауптвахту, где весьма уютно за винами, чаем и анекдотами отдыхали от тягот военной службы арестованные офицеры. Он внимательно расспрашивал каждого: «Как фамилия? Кем посажен? На сколько? За что?» Иногда совершенно неожиданно хвалил офицера за бравоый, хотя и противозаконный поступок, иногда начинал распекал, крича так, что его бывало слышно на улице. Но, накричавшись досыта, он без всяких

переходов и пауз осведомлялся, откуда офицеру носят обед и сколько он за него платит. Случалось, что какой-нибудь заблудший подполковник, присланный для долговременной отсидки из такого захолустья, где даже не имелось собственной гауптвахты, признавался, что он, по безденежью, довольствуется из солдатского котла. Аносов немедленно распорядился, чтобы бедняге носили обед из комендантского дома, от которого до гауптвахты было не более двухсот шагов».

Алексей Васильевич был когда-то женат, но так давно, что позабыл об этом. Еще до русско-турецкой войны, писал Куприн, «жена сбегала от него с проезжим актером, пленившись его бархатной курткой и кружевными манжетами». Потом она раскаялась, писала слезные письма, но генерал не пустил ее к себе в дом, хотя посылал пенсией выложить до самой ее смерти, а детей у них не было.

21 июля 1899 г. император Николай II своим указом Александровскому комитету о раненых назначил генерал-лейтенанта А. В. Аносова членом комитета. В первых числах сентября он покинул Киев для продолжения службы в Петербурге, и газета «Киевлянин» писала:

«В воскресенье, 3 сентября, в Николаевском Военном собрании на Печерске была литургия, которая служилась соборными священниками неподвижных военных церквей, а по окончании литургии напутственный молебен по случаю отъезда бывшего коменданта Киевской крепости, генерал-лейтенанта А. В. Аносова. После молебна настоятель собора, а затем священник Прозоровский башни произнесли напутственные речи, в которых выражали благодарность генералу Аносову за его попечение о благоустройстве и обновлении собора и охарактеризовали его деятельность в этом направлении. При этом генералу Аносову была поднесена от духовенства неподвижных военных церквей драгоценная икона св. Николая. При богослужении присутствовали: командир 21 корпуса генерал-лейтенант А. К. Водар, киевский губернатор Ф. Ф. Трепов, генералы

Туманский, Индутьный, Сурков, Прескот, Немский, начальники отдельных частей, много отставных генералов и штаб- и обер-офицеров, частных лиц и воспитанники двух приютов: детей бедных воинов и малолетних сирот.

При выходе из собора генерала А. В. Аносова встретила депутация от жителей Печерска и других частей города во главе со старейшим врачом военного ведомства, отставным дивизионным врачом И. А. Надеждиным, который поднес генералу Аносову адрес, покрытый множеством подписей, и произнес при этом прочувственную речь.

В пространном адресе, начинающемся с явлением, что жители Печерска в течение 10 лет привыкли видеть в генерале Аносове заботливого хозяина этой части города и обращаться к нему по своим нуждам и делам, перечисляется все, что сделано генералом Аносовым для Печерска. Так, пыльные и грязные ранылицы получили тротуары и украсились палисадниками, пустынная когда-то эспланада (пустое незастроенное место между крепостью и городом. — В. К.) теперь оживлена двумя изящными павильонами и служит для жителей Печерска местом прогулок и ипподромом для конского спорта; устроен образцовый детский сад (по ул. Никольской, 21. — В. К.), получивший название «Аносовского», капитально отремонтирован Николаевский военный собор, и при нем положено начало военному-народному музею. Далее говорится о прекрасных душевных качествах генерала Аносова и его гуманном отношении к арестованным по суду. Он входил в их нужды и даже ходатайствовал об облегчении их участи. В старой главной гауптвахте, где помещались, по дисциплинарным и судебным взысканиям, офицеры, гражданские чиновники и лица привилегированного общества, почти все камеры были темны и сыры, по настоянию генерала Аносова теперь выстроено прекрасное двухэтажное здание, отвечающее последним требованиям науки, в которое будет переведена главная гауптвахта. Раньше все нижние чины ходили с Печер-

ска в баню на Подол, отчего в зимнее время многие простуживались. Теперь, благодаря стараниям Аносова, на Печерске выстроена хорошая баня, которой пользуются все войска, квартирующие в этой части города. Генерал Аносов старался всякому нуждающемуся помочь делом и добрым советом; он относился ко всем с искренней благожелательностью и, несмотря на свои 80 лет, был в высшей степени деятелен, подвижен и энергичен».

Через месяц, 5 октября, Аносова приветствовали прощальным обедом в Офицерском собрании. Участие в нем приняли командиры отдельных военных частей, духовенство, а также начальник Юго-Западного края генерал-адъютант М. И. Драгомиров и губернатор Ф. Ф. Трепов — всего около 130 лиц.

Киевляне очень ценили все, что сделал для города бывший комендант Киевской крепости. Одним из свидетельств их благодарности было переименование в 1904 г. улицы Засараиной в Аносовскую. Это название улица носила в течение 20 лет, а в 1928-м стала улицей Ластовского.

Незадолго до отъезда из Киева А. В. Аносов внес предложение устроить в ограде Военно-Николаевского собора, по фронту его усадьбы, выходящей на Никольскую улицу, Народный музей имени Николая I. В пояснительной записке Алексей Васильевич подчеркивал, что фронтальная линия усадьбы «занята вереницей неприглядных лавок Мало-Николаевского монастыря, которые удручающе закрывают и портят вид Собора». Он предлагал дополнить величие возобновленного ремонтами в 1896 г. храма установкой кругом решетчатой ограды с несложной военной арматурой, для чего требовался снос лавок.

Генерал Амосов говорил: «Было бы желательно создать из Военно-Николаевского собора памятник народный в религиозно-нравственном и военном отношении, доступный обозрению тем народным массам, которые ежегодно стекаются в г. Киев с разных сторон России. Все тысячные вереницы богомольцев, имея в своих рядах до 20% военнослужащих, не минуют в большинстве и Военно-Николаевского собора и поэтому это единственный в России военный уголок, мимо которого ежегодно проходит около 1/2 миллиона русского люда».

Предложения, изложенные генералом от артиллерии А. В. Аносовым в брошюре «Военно-Николаевский собор в Киеве», рассмотрела специально созданная комиссия Киевской городской думы. Она рекомендовала приступить к благоустройству усадьбы собора и устройству Народного музея на средства, собранные по народной подписке. Однако реализовать задуманное, тем более после отъезда А. В. Аносова из Киева, не удалось, а 10 апреля 1906 г. он умер в Петербурге.

Что касается Аносовского сада, то он постепенно приходил в упадок, а потом новая, после 1917 года, власть нашла для него другое назначение. Киевский губисполком 31 мая 1919 г. постановил отвести 3/4 гектара земли на склоне сада под кладбище «жертв контрреволюции». Было решено начать все немедленно и без каких-либо религиозных обрядов.

Уже 30 июля 1919 г. Бюро печати при ВУЦИК сообщило: «Ведутся работы по благоустройству местности, прилегающей к Аносовскому саду, где предполагается памятник «Жертвам контрреволюции». Для него выбрана площадка на склоне горы, между Аносовским садом и Спасом на Берестове. У подножья будущего памятника вскоре будут похоронены жертвы борьбы за Советскую власть. Предполагается перенесение туда остатков трупов, похороненных в Марининском парке».

В 1926 г. город выделил 10 тыс. руб. на восстановительные работы по Аносовскому саду, который оказался почти полностью вырубленным, а сквер в этом районе больше не имелось. Но братскую могилу в 1933-м уничтожило сплзание земли на склоне сада. В 1937-м было принято очередное решение о сносе Николаевского собора для сооружения гостиницы. Но вышло несколько иначе: на месте собора построили в 1965 г. Дворец пионеров и школьников, гостиницу же возвели в 1982-ом на фундаментах колокольни. 6 ноября 1957 г. на территории бывшего сада генерала Аносова был открыт Мемориал Вечной Славы, а 22 ноября 2008 г. — памятник-часовня «Свеча памяти».